

ТЕМА ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ИРЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ

© 2006 М.К. Попова

Воронежский государственный университет

Хотя уже многие десятилетия Республика Ирландия является независимым государством, колониальное прошлое по-прежнему определяет многие особенности менталитета ее жителей, восприятие ими пространства, времени, истории, Англии; для современных ирландских поэтов по-прежнему остается актуальной задача “преобразовать насилие прошлого в культуру будущего” [8, 591], и она во многом определяет содержание их творчества.

Ирландцы сохранили в своем сознании морскую доминанту пространственных представлений, присущую им с давних пор. Море и суша, их противопоставление и союз остаются одним из важных для современной поэзии мотивов. Ш. Хини (“Лютые любовники”), описывая морской прибой на Арранских островах, осмысливает борьбу моря и суши как первооснову мира: “Так чем очерчен мир? Вода и твердь / сшибаются, верша его” [2, 147].

Издrevле у кельтов существовал культ камней и источников, они играли в кельтском фольклоре большую роль. Их образы присутствуют и в современной ирландской поэзии. Дж. Монтегю в стихотворении “Гора молчания” упоминает “мишстый камень”, который “как часовой / этой древней тропы, / страж ее с незапамятных пор”, говорит о “валунах-колдунах”, описывает целебный родник, к которому в древности после битв приходили воины, чтобы исцелить свои раны [3, 77-81].

Существенное место в современной ирландской поэзии занимает также образ торфяного болота, которое нередко изображается как некая квинтэссенция “ирландскости”. В программном стихотворении “Болотная земля” Ш. Хини противопоставляет американским прериям ирландские торфяные болота и показывает их как своеобразный памятник культуры: “Здесь ученые, бережно срезав / сотый культурный слой, / неизменно находят следующий” [2, 153]. По справедливому замечанию А. П. Саруханян, “торфяное

болото, в толще которого сохранились от тления реликвии далекого прошлого, из характерной приметы ирландского пейзажа вырастает в специфически ирландскую мифологию, в символ хранилища памяти” [4, 76]. Ей вторит Д. Киберд: “Болото в мифологии Хини — это место, где сохраняются не только тела, но и сознание” [8, 593].

“Память места”, “territorized memory” характерна не только для поэзии Хини, она занимает важнейшее место в лирике многих современных поэтов. Каждый кусочек родной страны является для них хранителем ее истории и культуры. Джон Монтегю (р. 1929) в цикле “Новая осада” пишет:

*И весь пейзаж — как манускрипт,
Чей смысл от нас веками скрыт, —
Утраченное достоянье.*

*И все ж могу его порой
Читать на ощупь, как слепой,
По отпечаткам в подсозненье*
[пер. Г. Кружкова, цит. по: 4, 63].

К “прочтению” пейзажа поэты подходят с разных позиций, их привлекают разные культурно-исторические слои. Иногда эта тема носит интимно-лирический характер, в других случаях приобретает эпический размах. Так, для Томаса Кинселлы и Шеймуса Хини важна семейная история, их собственная включенность в исторический процесс. Участвуя в уборке урожая на картофельном поле, лирический герой Кинселлы видит “ландшафт с фигурами моих далеких предков”, а в горсти земли — “следы голодных лет” [2, 92]. В программном стихотворении “Копаящие” Ш. Хини дает многоплановую трактовку “памяти места”. Наблюдая осенний пейзаж, он, во-первых, вспоминает семейную историю: как его отец копал картофель, а дед — торф, и оба “умели ворочать лопатой”. Во-вторых, копка, как нам представляется, приобретает у Хини символическое значение, это не просто выкапывание

картофельных клубней или кирпичиков торфа, но и продвижение “все глубже и глубже” в историческое прошлое, в суть бытия. И в-третьих, это стихотворение разрабатывает тему “о поэте и поэзии”, ибо завершается оно строками:

*Лишь авторучка пристроилась
У меня в кулаке.
Буду ею копать [2, 145-146].*

В стихотворении “Север” Хини дает иную трактовку пейзажа, который пробуждает в нем память о легендарных временах викингов.

*и внезапно
легендарные морские бродяги
.....
воззвали ко мне — голосами
канувших в прошлое лет [2, 163].*

Отношение Ш. Хини к пейзажу было им от-рефлектировано в разделе “Чувство места” его первой прозаической книги “Заботы”. Для него “чувство места”, как показывает А. П. Саруханян, “составляет твердую основу для выявления связи с историей, с наследием, определяет точку зрения на мир” [4, 91].

Не всегда связь пейзажа с историей легендами воспринимается поэтами положительно. Джон Монтегю в стихотворении “Шон Вян Вохт” (в переводе с ирландского — бедная старая женщина, один из символов Ирландии) критически оценивает склонность своих земляков рассказывать легенды и населять окружающий мир волшебными существами. Он говорит о “*наутине преданий*”:

*Ветхая, заезженная пластинка,
Начиненная историей местной,
В ней только скрежет и натужные хрипы,
Гремящих старых костей прорицанья.*

Поэт стремится демифологизировать пейзаж, подчеркнуть его “посюсторонность”: “*Ручей журчал, красновато-ржав — / Не от крови, а от железистых глин*”. Однако в этом демифологизированном пейзаже его герой шагает “*по холму в золотых лучах / К таинственным знакам надгробной плиты*”. Завершается стихотворение вопросом, который полностью изменяет его звучание и тональность: “*Но под каменной вязью тяжелой плиты / Какой королевы покоился прах?*” [2, 107]. К мотиву исторической насыщенности пейзажа Монтегю обращается и в стихотворении “Древние мифы”. Коровы, пасущиеся на лугах, “*слышат глухое бряцание из-под почвы: / Это герои в своих дортуарах / Переворачиваются с боку*

на бок, / Вспоминая боины былые” [2, 111]. А в “Звуке раны” тот же поэт восклицает:

*Вспомните,
какая цивилизация здесь погибла:
она гудит под ногами,
когда я шагаю по этим печальным
низким холмам [2, 124].*

Тема связи пейзажа с воспоминаниями о прошлом важна и для Десмонда Игана (род. 1939). С точки зрения поэта, история Ирландии “растворена” в ее природе и во многом определяет ее сегодняшний день. Сама природа впитала в себя трагическое прошлое народа, и поэтому

*запах голода
все еще стоит в кустах
в грустных кельтских зарослях
[“Голод”, стихотворение I. 1, 77]*

Любое, самое современное и обыденное действие, если оно происходит в ирландском пространстве, где прошлое и настоящее тесно переплетены, будит в сознании людей отзвуки древних легенд, через призму которых они воспринимают себя и свои поступки. Героиня стихотворения Нилы Ну Гоунал “Гонка”, рассказывая о быстрой езде на машине по ирландским дорогам, погружается в мир саг:

*Как буйный бык, как лютый лев пустыни.
Свирепый вепрь из повестей о Финне.
Иль уладский герой в прыжке лосося
Влетающий в пещеру великана.
Так я несусь в своем автомобиле,
По маленьким ирландским городкам* [3, 113].

У Д. Игана наполненность окружающего мира исторической памятью часто связана с изображением архитектурных памятников. Так, в стихотворении “Замок Минард” развалины древнего фортификационного сооружения помогают услышать “шепот предков” и рассказать о трагической странице истории — Ирландском восстании 1641–1652 гг., для подавления которого в 1649 г. в Ирландию прибыли английские войска во главе с О. Кромвелем.

Это стихотворение иллюстрирует еще одну особенность восприятия пространства современными ирландцами — интерес к топонимам. Нередко географическое название становится названием поэмы (“Каменистое поле” (“Гаргавей”) у Дж. Монтегю, “Гора Аллена” у Д. Игана, многие стихотворения в его же книге “Полуостров” носят географические названия). Отмечая “на-

сыщенность топонимами” как одну из характерных черт ирландской поэзии второй половины XX века, А. П. Саруханян поясняет: “В колониальную эпоху гэльские собственные имена переводились на английский, теряя смысл, становясь неузнаваемыми... А в поэзии параллельно нарастал интерес к топонимике – к названиям мест относились как к хранителям исчезающего языка. На рубеже веков символистская поэзия сделал акцент на таинственности их звучания. В последние десятилетия отчетливо выявилось отношение к ним как к памятникам языка и истории” [4, 65].

Однако топонимы, на наш взгляд, показывают и степень влияния английского языка на национальное сознание. Гора Аллен – это англоязычное гэльское название горы Альмху, которая в кельтском фольклоре прочно связана с именем Финна МакКумхелла, героя многих преданий. Географическим центром этих легенд являлась гора Альмху, на которой жил герой и где он устраивал пиры и торжества. Но даже название этого исконно ирландского места, которое сохранило связь с легендарным прошлым, претерпело англизацию, что показывает своеобразие ирландской культуры, гэльской в своей основе, но англоязычной по форме выражения.

“Память”, которой наделен каждый фрагмент ирландского пейзажа, порождает обеспокоенность по поводу сохранения исторического ландшафта. Такая обеспокоенность становится основным мотивом книги Д. Игана “Гора Аллен”. Как уже отмечалось, эта гора связана с сагами о Финне и его фениях, по мнению специалистов, “трудно переоценить ее культурное значение” [5, 9]. На этой горе действительно находится карьер, где добывают строительные материалы. По мере углубления и расширения карьера меняется силуэт горы, имеется даже опасность ее полной утраты в будущем. По мнению поэта, исчезновение материального символа национальной культуры недопустимо и может принести непоправимый вред. Для Д. Игана “наши великие холмы / память, воплощенная в земле”, их уничтожение “во имя прогресса” – это уничтожение не только исторической памяти, но и самой человеческой сущности.

*прогресс по отношению к чему
во имя какой цели
прогресс уводящий прочь от того
что есть Ирландия
что есть культура
что есть духовность
что есть мы сами
от вечного*

[пер. мой. – М. П. 7, 16]

Понимание времени, отраженное в ирландской поэзии второй половины XX века, принципиально не отличается от времени у символистов рубежа XIX–XX столетий. Прошлое по-прежнему является частью настоящего, “просвечивает” сквозь него; оно – источник аналогий и нередко выступает мерилем сегодняшнего. В сознании ирландцев живы “проклятые семь веков” [2, 78], глубокие раны, нанесенные их душам в прошлом, все еще ноют, находя выражение в поэзии. Именно поэтому в творчестве Джона Монтегу, например, нередок образ клейма (“Клеймо”), раны (“Звук раны”), “рубца забытой обиды” [2, 123].

Для Д. Игана прошлое ассоциируется с черной тучей, которая “висит над нашим югом / над печальным Дублином”; его влияние определяет мировосприятие и поведение современных ирландцев:

*многие столетия изгнания
на своей собственной родине
бесчисленные побоища
поселили печаль в нашей крови
в нашей походке взгляде и речи
некий горестный ритм и мы
носим как и евреи
юмор вместо жилетов
чувствуя что каждый из нас
потерял часть того чем мог бы быть*

[пер. мой. – М. П. 7, 29].

Любопытно, однако, что в современной поэзии появляется и ирония по поводу того, как можно принизить ирландскую одержимость прошлым, используя ее в великосветских целях. Так, Томас Маккарти (р. 1954) в стихотворении “Время вопросов” описывает предновогодний бал, который завершается викториной, причем ответы на вопросы требуют хорошего знания ирландской истории – но в ее скандально-анекдотическом варианте:

*Кто был любовницей Роберта Эммета?
Кто такая Китти О’Ши?
Какого члена ИРА застрелили
в день собственной свадьбы?
Сколько смертных приговоров
подписал Кевин О’Хиггинс?
Как много ответов нужно найти
за фуршетом с вином...
Но игра стоит свеч. Приз –
неделя в Брюсселе (для двоих)
И лобызания двух новых членов Европарламента*

[3, 39].

Одно из серьезнейших последствий прошлого, которое ирландцы ощущают каждодневно и ежечасно, — это языковая ситуация. В результате многовекового присутствия англичан в их стране, а также вследствие проводимой ими политики англizations, ирландцы практически лишились своего национального языка и воспринимают это как серьезную утрату. В стихотворении “Пересаженная речь” Дж. Монтегю рисует страшную символическую картину насаждения английского языка колонизаторами:

*Отрубленная,
Окровавленная голова
Силится прохрипеть
Слова чужого языка [2, 122].*

Обращаясь к своему далекому предку, которого силой заставили отказаться от родного языка, поэт с горечью говорит:

*Через сто лет
внук твоих внуков
споткнется о потерянный слог
языка, которого нет [2, 122].*

Пол Малдун (р. 1951), поэт послевоенного поколения, в стихотворении “Аншо” дает зарисовку из жизни такого внука:

*Когда учитель в начальной школе
В Колледжленде нас проверял по списку,
Нужно было поднять руку
И откликнуться: Аншо.
Аншо значит:
“Здесь, на месте” — первое слово,
Которое я выучил по-ирландски [3, 91].*

То, что первое слово родного языка мальчик не впитал в младенчестве с материнским молоком, а выучил уже в школе, является отдаленным следствием трагедии ирландского народа. Но само слово “здесь, на месте” явно приобретает символический смысл — несмотря ни на что, ирландцы все еще “здесь”, на своей родине, и все еще сохраняют веру в возрождение своего исконного языка. Нила Ну Гоунал (р. 1952), поэтесса, пишущая на гэльском языке, в стихотворении “Исход” сравнивает судьбу родного языка с судьбой младенца Моисея, который чуть не погиб в Ниле, но был спасен фараоновой дочерью.

Д. Иган обращается к теме языка в сборнике “Голод”, который вышел в год 150-летия Великого Голода. Тогда в Ирландии появилось значительное количество научных и публицистических работы об этой трагедии. Д. Иган не только дает свою картину катастрофы 1845–1847 гг., но

и говорит о ее дальних последствиях. С его точки зрения, Великий Голод ужасен не только тем, что физически уничтожил значительную часть нации. Вызванные им демографические и социальные процессы, в том числе эмиграция, привели к тому, что прервались традиции ирландской культуры. Голод

*разлучил нас с нашим языком
оторвал от культуры
отгородил от веры
оставил в одиночестве
стыдиться самих себя
заставил предать красоту столь
чтимую нашими предками [1, 77]*

Отношение к прошлому в значительной степени определяет и выраженное в поэзии Ирландии понимание смерти. Эта тема трактуется в двух аспектах, личном и общественном, как уход из жизни близкого человека и как гибель ирландцев, ставших жертвами политической борьбы во второй половине XX века. И в лирике Ш. Хини, и в произведениях Т. Кинселлы, и в стихах Д. Игана часто встречается образ отца — первого в цепи предков, уходящей вглубь веков. С образом отца часто связаны мотивы традиции, непрерывности ирландской культуры, трудностей жизни ирландцев. Ш. Хини изображает себя идущим следом за отцом (“Идущий следом”). У героя Дж. Монтегю шрам на лбу “на том же в точности месте”, что у отца (“Клеймо”), “несчастливей своего отца” он не знал человека (“Клетка”). Тема смерти отца занимает заметное место в ирландской поэзии. Т. Кинселла пишет стихотворение “У смертного одра”, Д. Иган — “Песнь о моем отце”. В первом из них смерть отца отнесена в прошлое, происходит в шатре, при свете сальных плошек. Уход из жизни одного человека воспринимается как невосполнимая потеря: “Народ наш не может привыкнуть к утратам” [2, 103]. В “Песне о моем отце” события помещены в современность, отец проводит свои последние дни в палате интенсивной терапии. Д. Иган иначе, чем Т. Кинселла, расставляет акценты. Для него отец жив, пока жива в душе лирического героя память о нем. Недаром “Песнь о моем отце” завершается “Эпитафией”, построенной на отрицании традиционных клише:

*Том Иган не покоится здесь
не покоится здесь тепло рук
его смех полный жизни
тот привет что он слал мне от двери
через улицу и через годы
не покоится здесь и любовь что прочнее гранита
[1, 25]*

И во второй половине XX века смерть для ирландцев – событие не только частное, но нередко связанное с общественно-политическими потрясениями. Проблема Ольстера, шести северных графств, которые не вошли в 1921 году в Республику Ирландия, породила немало кровавых событий. Т. Кинселла в поэме “Тринадцать” обращается к событиям 30 января 1972 года. В этот день в Лондондерри происходила демонстрация в поддержку прав католического меньшинства. Английские войска разогнали демонстрацию, 13 человек погибли. Комиссия по расследованию этого трагического инцидента под председательством лорда Уиджи оправдала расстрел.

Поэма Т. Кинселлы появилась через неделю после окончания работы комиссии. Лирический герой встречается и разговаривает с призраками убитых в Лондондерри, и их слова опровергают выводы комиссии Уиджи. Погибшие ни в чем не виноваты. Среди них – “хулиганистый мальчишка”, “убитый наповал / За то, что камни он на улице швырял”, “три смутьяна”, которые “за тем ограждением / Напрасно искали от смерти спасенья”, предполагаемый бомбист, на теле которого не нашли никакой взрывчатки, кроме тех четырех снарядов, которые подложил ему в карман в ходе досмотра английский солдат. Для каждой жертвы разгона демонстрации смерть является неожиданной и трагической случайностью, но за чередой случайностей, как показывает поэт, стоит закономерность: традиционно жестокая и несправедливая политика английских властей в Ольстере. Внеличностные силы рока, которые довели над героями “Скачущих к морю” Синга, обретают здесь конкретно-исторический облик.

По-иному осмысливает смерть участников национально-освободительной борьбы Ш. Хини в стихотворении “Отмель на озере Лох Бег”. Оно посвящено памяти Колама МакКартни, родственника поэта, активного участника противостояния англичанам. Трагический факт его гибели в этой борьбе приобретает под пером Хини обобщенный поэтический смысл. В стихотворении рассматривается чрезвычайно актуальный для XX века вопрос о том, насколько оправдана жестокость, неизбежно сопутствующая всякой борьбе, в том числе и за правое дело. Всем образным строем “Отмели на озере Лох Бег” поэт утверждает, что высокая цель очищает ирландцев от грехов, невольно совершенных ими в борьбе.

На такую трактовку произведения настраивает уже предпосланный ему эпиграф, в качестве которого Хини использовал строки из “Божественной комедии” Данте. В первой песни “Чи-

стилица”, откуда они заимствованы, рассказывается о том, как Данте и Вергилий, выбравшись из Ада, оказываются у подножия горы Чистилища. Там их встречает страж Чистилища, который советует Вергилию омыть лицо Данте, “стирая всю грязь, чтоб не осталось ничего”, и промыть ему глаза, ибо “нельзя глазами мгlistыми взирая идти навстречу первому из слуг, принадлежащих к светлым сонмам Рая”. По совету стража Чистилища Вергилий также опоясывает своего спутника стеблем тростника, который считался символом смирения.

Дантовские мотивы пронизывают все стихотворение Хини. Пейзаж озера Лох Бег напоминает местность у подножия горы Чистилища. Отмель похожа на описанный Данте островок; и в загробном мире, и на ирландском озере растет тростник, а трава покрыта росой. Именно ею Вергилий омывает глаза Данте, собирая ее ладонями с влажной муравы. Лирический герой Хини тоже становится на колени в пышной траве и “собирает в пригоршни холодную росу”, чтобы умыть кузена, застреленного англичанами. Тростник, из которого Вергилий вьет пояс своему спутнику, – растение волшебное, на месте сорванного стебля тотчас вырастает новый. Тростник на озере Лох Бег имеет такие же свойства. Хини пишет: “Из тростника, который вырастает снова, я плету венок, чтобы украсить твой саван”. Художественные детали, заимствованные Хини у Данте, углубляют смысл его стихотворения. Из образца лирики публицистической, отражающей отношение автора к конкретной политической ситуации, оно превращается в образец лирики философской, трактующей проблемы смерти, греха, очищения.

Для ирландского национального самосознания всегда был важен образ Англии. Англия, английский образ жизни, английская культура и по сей день являются для ирландцев тем Другим, на фоне и по сравнению с которым они осознают себя и осмысливают свою историю и культуру. Как пишет Деклан Киберд, “если бы не существовало Англии, ирландцам было бы одиноко. Для того, чтобы определить свою сущность, каждой нации нужен Другой” [8, 2].

В современной ирландской поэзии образ Англии и англичан наделен отрицательными характеристиками. Так, например, О. Кларк, говоря о традиции устного рассказа, которая помогла сохранить национальную культуру в годы английского господства, подчеркивает: “Я счастлив, / Что я – не выдержанный англичанин, / Боящийся сказать слово” [2, 58]. Т. Кинселла в поэме “Тринадцать” обвиняет Англию во лжи и лицемерии, в том, что ее “главный принцип – ловкость рук”, в том, что она “привыкла брать /

И только силу уважать” [2, 95-97]. О грабительской колониальной политике Англии в Ирландии говорит Д. Иган, считая ее причиной Голода 1847–1848 гг.:

*отобрали наши леса
отобрали наш скот
отобрали наши поля
нашу шерсть наш лен наше стекло
забрали наши надель
под самыми нашими голодными носами*
[1, 81]

Один из самых трагических периодов в истории Ирландии пришелся на конец XVI в., когда в ответ на восстание 1579–1583 гг. английская королева направила в страну карательную экспедицию, в которой приняли участие известные поэты-елизаветинцы У. Рейли и Э. Спенсер (1552–1590). Оба они жили в эпоху Возрождения, одной из характерных черт которой был гуманизм. Обращаясь к их образам, современные ирландские поэты развенчивают миф о блестящих ренессансных поэтах и в известной мере ставят под сомнение саму английскую культуру. В стихотворении “Любовь Океана к Ирландии” Ш. Хини перефразирует название поэмы У. Рейли “Океан к Синтии”, посвященной королеве Елизавете. Выводя себя под именем Океана, а Елизавету – под именем Синтии, поэт-елизаветинец воспевал свои возвышенные чувства к королеве и готовность ей служить. Хини показывает, что по отношению к ирландским женщинам он проявлял не галантность, а похоть и жестокость: “*Грубый и бесстыжий Рэли / прижимает деву к древу / Англия – Ирландию*”. Насилие Рейли над девушкой становится символом насилия Англии над Ирландией: “*Кэтим влажным, жирным землям / Длинный мыс его протянут*”, сама природа Ирландии страдает от англичан:

*Мгла речная, плоть грибная –
Никнет в росах, отдыхая
От бесчисленных обладаний* [2, 164-165].

Образы Рейли и Спенсера появляются и в цикле Д. Игана “Dun an Oir”, посвященном, как и стихотворение Ш. Хини, резне в одноименном местечке, расположенном в гавани Смервик. Там в 1580 г. были разгромлены остатки отряда, который состоял из испанцев, итальянцев и ирландцев и был прислан в Ирландию папой римским для восстановления католичества. К моменту, описанному в цикле, папская военная экспедиция уже сдалась лорду Грею, наместнику королевы в Ирландии. Поэтому уничтожение 600 человек, в основном

женщин и детей, в гавани Смервик, было не только чрезвычайно жестоким, но и по сути бессмысленным. В этой ужасной резне участвовали У. Рейли и Э. Спенсер.

Образ Э. Спенсера с наибольшей полнотой представлен в стихотворении V цикла “Dun an Oir”. Здесь звучат три голоса: Игана, издателя Ренвика, опубликовавшего в 1596 г. “Взгляд на положение Ирландии” Э. Спенсера и самого автора “Королевы фей”. Как это часто бывает у Игана, поэма состоит из основного текста и “маргиналий”. Левая колонка содержит бытовую зарисовку военного лагеря в вечер после кровавого побоища. В центре внимания поэта находится Э. Спенсер.

*написав депешу Грею
изящнейшим почерком
Спенсер садится за труды
укрывшись в палатке он созерцает
пергамент и стул и парусиновую стенку
в умирающих ноябрьских сумерках
он уже не различает криков
он берет перо и добавляет
строчку в “Слезы Муз”*
[курсив автора. – М. П. 1, 73].

“Слезы Муз” – стихотворение Спенсера, которое стоит вторым в его сборнике “Жалобы” (Complaints) вслед за “Руинами Времени” (The Ruins of Time). Слова *изящнейшим* и *труды*, выделенные в тексте левой колонки курсивом, принадлежат Ренвику. В сочетании с презрительным голосом поэта в том контексте, куда их поставил Д. Иган, эти слова приобретают иронический смысл.

Правая колонка представляет собой цитату из спенсеровых “Руин Времени” и содержит прославление королевы Елизаветы:

*О ты, королева фей, гордость эпохи
И слава мира, твои высокие помыслы
Да снизойдут к его последней хвале
Несколькими серебряными слезинками.
Ты божественна по происхождению
И мысли твои стремятся к небесам
И презирают суетность мира* [1, 73].

Контрастное сопоставление возвышенного панегирика в честь Елизаветы и буднично-иронического описания кровавых деяний англичан в Ирландии показывает, насколько Спенсер-человек и Спенсер-поэт отличались друг от друга, насколько не совпадали друг с другом блестящая ренессансная культура Англии и ее неприглядная колониальная экспансия, и усиливает эмоциональное воздействие стихотворения.

Рассмотрев, как решают тему прошлого своей страны современные ирландские поэты, мы приходим к выводу о том, что трагическое прошлое остается доминантой ирландского самосознания, влияя на восприятие пространства, времени, истории, смерти, Англии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иган Д. Избранное / Д. Иган. – Воронеж: Родная речь, 2000. – 115 с.
2. Из современной ирландской поэзии / [сост. и вступ. ст. А. П. Сарухян]. – М.: Радуга, 1983. – 170 с.
3. Мед и мазут. Шесть ирландских поэтов /

[редактор-составитель Григорий Кружков]. – М.: Б. С. Г. – Пресс, 2000. – 192 с.

4. Сарухян А. П. “Объятия судьбы”: прошлое и настоящее ирландской литературы / А. П. Сарухян. – М.: Наследие, 1994. – 224 с.
5. Daithi O hOgain. The Hill of Allen: Ireland's Heritage // Egan D. The Hill of Allen. – Newbridge: The Goldsmith Press, 2001. – P. 7-10.
6. Egan D. The Hill of Allen / D. Egan. – Newbridge: The Goldsmith Press, 2001. – 44 p.
7. Egan D. In the Holocaust of Autumn / D. Egan. – Newbridge: The Goldsmith Press, 1994. – 37 p.
8. Kiberd D. Inventing Ireland: The literature of the modern Nation / D. Kiberd. – L'Vintage, 1995. – 719 p.

Рецензент – Л. Е. Кузнецова.